

СТАНИСЛАВ КОЗЛОВ

В логове зверя

ЧАСТЬ 1. ЗА ФРОНТОМ

Станислав Козлов

**В логове зверя.
Часть 1. За фронтом**

«Издательские решения»

Козлов С.

В логове зверя. Часть 1. За фронтом / С. Козлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836829-5

Первые дни Великой Отечественной войны. В основу положены дневниковые записи полковника Козлова, прошедшего всю войну. Его наблюдения, размышления. Вместе с ним за фронтом следовали его жена и сын.

ISBN 978-5-44-836829-5

© Козлов С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. За фронтом	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

В логове зверя
Часть 1. За фронтом
Станислав Козлов

© Станислав Козлов, 2017

ISBN 978-5-4483-6829-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. За фронтом

Записки подполковника Козлова Николая Александровича

Глава 1

Дзержинск под бомбами

*Чудо у вокзала. Город во мгле. Ни жив, ни мёртв. Чудо по радио
Под бомбами. Ждут немцев. Тетрадки против Люфтваффе
Паника в Горьком*

Получить хоть и короткий, но всё-таки отпуск, во время войны, когда немцев вот-вот только что прогнали от Москвы – это что-то вроде знака судьбы. И знак этот надо ценить. Будь я в это время на линии фронта – не видать бы мне никакого отпуска. Да вполне может быть и самой жизни. Но фронт у меня уже был позади – в конце июня 1941 года. Навоевался и наотступался. В настоящее же время я был начальником учебной части курсов усовершенствования командного состава (КУКС) Юго-Западного фронта. И вот вечером морозного января 1942 года, когда уже значительно стемнело, я сошёл с поезда на Ромодановском вокзале в городе Горьком. Отпуска у высокого начальства добился для того, чтобы привезти из Дзержинска жену с трёхлетним сыном Стасиком туда, откуда приехал – в село Самойловка Саратовской области. Именно там в это время находились курсы УКС.

Вечер морозный – настроение тёплое и радостное: не чаял вновь вступить на родную землю после окружения под Киевом... И растерянное. Теперь нужно каким-то образом добраться до вокзала Московского, там сесть в поезд и ехать уже до Дзержинска. И то, и другое – проблема. Возле вокзала никакого транспорта. Расписание поездов наверняка сменилось, с июня-то сорок первого, если вообще существовало. Не исключено, что нужного поезда ждать придётся долго. Тратить на это время – никакого желания и возможности. Не терпится поскорее оказаться дома – до долгожданной цели осталось совсем немного, по сравнению с тем, что преодолено.

Ура! Чудодейственно повезло! Возле вокзала, уже в полном мраке, наткнулся на машину из самого Дзержинска! Поспешно договорился с шофёром ехать с ним прямо в Дзержинск, минуя Московский вокзал.

Едем с потушенными фарами – водитель блюдет строжайшую светомаскировку. Московское шоссе кажется настороженным и мрачным в темноте ночи. Горький уже позади. Впереди Дзержинск... Вспомнилась ночь на фронте за Черниговым. Я с группой офицеров в полковом резерве. Как-то, в перерыве между боями, заночевали под скирдой. Проснулся среди ночи от тишины. На фронте так часто бывает: спишь под привычный грохот и стрельбы и взрывов и просыпаешься от внезапного безмолвия с чувством необъяснимой тревоги... Тёмное небо. В нём угрюмая и зловещая вибрация гула немецких самолётов... На фоне неба багровое зарево горящего третьего сутки Чернигова... Такое острое чувство одиночества вдали от далёкого дома. Казалось, прошлое потеряно безвозвратно и никогда больше не увидать мне никого из своих родных, сына... Вспомнилось потом, уже перед отъездом из Самойловки. Там, на улицах села, после занятий с курсантами, часто думалось: «Неужели будет так, что среди хаток на заснеженной улице встречу Мусю и Стасика?..» Так живо представлялись их фигуры, одежда, выра-

жения лиц, жесты при встрече со мной... Настолько чётко всё это виделось, что казалось галлюцинациями.

Понятно, с каким волнением я теперь всё более и более приближался к ним. Вот машина свернула, наконец, с шоссе влево и по обе стороны дороги выплыли тёмные, без привычных когда-то светлых окон, громады домов. Дзержинск! Встали возле здания горсовета. С шофёром пришлось расплачиваться чуть ли не насильно – упорно отказывался от какой-либо оплаты за услугу: ведь фронтовика офицера вёз. Сам он повоевать ещё не успел.

Тишина города, пустота и темнота Дзержинска неприятно поразили – ведь был ещё не такой уж и поздний час. Долгий путь от Самойловки до Горького создал иллюзию большого удаления от фронта и всё ещё казалось: Дзержинск – глубокий тыл. Однако шофёр предупреждал: нынешней ночью ожидается очередной налёт немецких самолётов. И – бомбёжка... Не хотелось этому верить, но фашисты, оказывается, бомбят город уже давно и регулярно. Сбрасывают фугасные бомбы. Есть убитые и раненые среди мирных жителей – откуда в тыловом гражданском городе не мирные...

С трудом сдерживая дыхание и спешащее впереди меня сердце, спешу домой... Домой. Даже смысл этого простого, в мирное время, слова изменился – стал многозначительнее и теплее. Будничное и прозаическое, слово это приобрело самое важное для жизни значение. Это уже не то место, где отдыхаешь после работы, спишь, ешь, читаешь книгу или газету, общаешься с родными и друзьями, принимаешь гостей, откуда уходишь в гости и на работу, и всегда возвращаешься назад – в привычное: домой. Дом – это то, что теперь подвержено смертельной опасности. Это – то, что нужно защищать от неё. Теперь я – его надежда... Это – место, где живут самые родные для меня люди. Живут, когда там – у линии фронта, многие гибнут... В доме тепло исходит от самих стен. Они будто стали одушевлёнными. Дом тоже ждал меня. Молчаливо но доброжелательно. Его добрый привет я, казалось, чувствовал на расстоянии.

Вот прошёл мимо тёмных зданий школы номер четыре... Вот кинотеатр «Ударник»... Вот и парк... Свернул по тропинке между сосен влево... Они, кажется, смотрят на меня сверху... Летом мы здесь гуляли со Стасиком. Вон на том пне он сидел... Зимой катал его на санках, а он сидел на них, запрокинув голову, и смотрел, как качаются верхушки этих сосен, следил глазами за перелетающими с ветки на ветку галками, показывал на них руками, взмахивал ими, как крыльями, словно и сам хотел немедленно взлететь... Потом показывал пальцем куда-то в пространство, требуя показать ему что-нибудь новенькое и интересное. Любопытный у меня сынище.

Ускоряю шаги. Появились двухэтажные деревянные дома Первомайского посёлка. Вот и наш дом... Тёмные сени... Дверь в квартиру не заперта, как обычно... Вхожу в прихожую... В кухню... Молчу, но сердце, кажется, грохочет на все два этажа... И вот из спальни в кухню вперевалочку является Стасик... Смотрит удивлённо и недоверчиво: что за дяденька в странной одежде? Непривычна ему ещё военная форма... От волнения могу сказать только одно слово: «Стасик!» Вошла встревоженная Муся. Ахнула, заплакала, обняла, прижалась.

Юры, старшего сына, дома нет – на работе. Дочь, Оля, ещё осенью выехала из Дзержинска учительствовать на село. Павлина, старая воспитательница Муси, укатила от бомбёжек тоже в деревню – Букино, в Богородский район. Муся, Юра и Стасик остались, жили втроём. Муся с утра полдня в школе. Юра – на заводе номер восемьдесят. Стасик в детском садике. По возрасту его отказывались принимать в это заведение: мал ещё – трёх лет не исполнилось. Но всё же приняли, куда деваться, и он зарекомендовал себя достаточно серьёзным, для детского сада, мальчуганом.

Налёты немцев на Горький и его окрестности начались сразу же после оставления Красной армией города Орёл. Днём, когда надрывно завывал сигнал воздушной тревоги, Муся стремглав бежала из школы в детсад за Стасиком и – бегом к нашему дому в так называемое бомбоубежище. В нём же часто приходилось отсиживаться и по ночам, когда немецкие бом-

бардировщики с угрожающим рёвом нависали над затемнённым городом. Как находили его?.. Втихимолку поговаривали, что их наводят на цели вредители – диверсанты, живущие прямо в городе... «А как они не боятся, что их самих те же бомбы убьют?» «У немцев такие хитрые бомбы – своих не трогают!»

Налёт. Это странное слово, неизвестное до войны, стало привычным и понятным: не говорили чей именно налёт – ясно и козе, что немецких самолётов, начинённых бомбами, как икрой рыба на нересте.

Спали, не раздеваясь. Юра предпочитал оставаться дома в любом случае и спал, уставший после работы на заводе, не обращая внимания ни на воздушную тревогу, ни на завывания сыплющих свой мерзкий груз фашистских самолётов. «Да ну их! Всё равно в меня не попадут», – отмахивался от уговоров спрятаться в земляную щель. Муся намучилась ужасно и от тревог, и от своей беготни. Собиралась даже уехать из города со Стасиком или к сестре Анне Алексеевне в село Соловьёво за Лысково, или куда-нибудь в другое место – лишь бы подальше от бомбёжек. Только после того, как я написал, что скоро приеду за ними, Муся осталась дожидаться меня в Дзержинске.

К её повседневному нервотрёпкам прибавлялись с каждым днём волнения и за меня: четыре месяца на фронте и ни писем, ни аттестата на деньги... Однажды директор школы Юрьева, не заметив впопыхах присутствия в учительской вместе с учителями и моей жены, брякнула, что называется: военкомат получил извещение о гибели майора Козлова. Естественно, мгновенно сработало сознание Муси: если Козлов, да ещё и майор – непременно муж. Подкосились ноженьки – в обморок. Потом выяснилось: однофамилец.

Первую весть обо мне получили очень необычным путём. В общей неразберихе и сумятице тех дней письма с фронта, по разным причинам, до адресатов доходили не всегда. Их текст передавали по радио из Москвы. Зачитали и моё письмо, написанное сразу же после того, как я вышел из окружения. В момент передачи Муся находилась дома вместе с юрой и Стасиком, стирала в тазу бельё. Услышала – не поверила ушам своим: ослышалась, померещилось. Побежала к соседям, чтобы подтвердили, но те к этой передаче не прислушивались – их родственников на фронте не было. Только вечером сосед Александр Факеевич Федотов, вернувшись с работы, заглянул к нам в квартиру и сказал, что рабочие, знавшие меня, тоже слышали моё письмо по радио. Утром и ученики в школе хором заверили: «Да! Слышали письмо Николай Александрыча!» После таких авторитетных подтверждений жена успокоилась, стала ждать непосредственно автора. Вскоре пришёл и денежный аттестат. Материальное положение семьи значительно улучшилось. Да и моральное тоже: быть семьёй без вести пропавшего было не очень-то уютно. Всё зависело от того, куда и как пропал... «Пропажа» в плен могла означать для семьи большие неприятности.

Побывал в школах. Повидал знакомых. Как заметно они изменились! Постоянные налёты и начинающийся недостаток продовольствия давали себя знать. Люди похудели и как-то померкли.

Заметны и следы бомбардировок. В парке напротив химического техникума зияет большая воронка от взрыва бомбы. Вместо многих, выбитых взрывной волной, стёкол – фанера. Повреждён дом на базаре – едва не попали в железнодорожную станцию. Одна из бомб угодила в детский садик на восточной стороне города... Сразу же подумалось о Стасике – хорошо, что не в его садик.

Война, словно проявитель в фотографии, быстро обнаруживает скрытое содержание снимка, достаточно окунуть его в проявляющий состав. Вдруг оказалось: некоторые наши знакомые и соседи не очень-то и лояльны к советской власти, не настолько пылко любят её, как казалось до войны. Видимо, считая дни её сочтёнными, они открыто говорят, что ждут прихода немцев. Чаще всего – раскулаченные во время коллективизации. В Дзержинск приезжают семьи офицеров из захваченных фашистами областей. Их расселяют по квартирам и наша доб-

рая соседка категорически заявила: уж кого – кого, а семью командира Красной Армии в свою квартиру не пустит ни за что. Кое-кто уже грозит своим недругам расправой с помощью немцев. И такое – в глубоком тылу страны, за которую гибнут на фронте жители этого же города – солдаты и командиры той же Красной Армии.

Муся рассказала, что при всей нешуточной опасности вражеских налётов, в бомбоубежище подчас происходили явления, способные выглядеть забавно, если бы не случались под вой моторов и грохот зениток. Прибегали к нему впопыхах с несиех завёрнутыми в узлы и баулы вещами – если, не дай Бог, дом разбомбят, то хоть что-нибудь, да останется. Располагались в убежище кто как сможет. Все. Кроме уважаемой Лидии Васильевны. Эта дородная дама всегда стралясь занять место поближе к выходу, загораживая его и собой, и своими объёмистыми пожитками. По её странному мнению, здесь она пребывала в гораздо большей безопасности.

О невероятных достижениях немецкой военной техники ходили легенды и слухи, как обычно, достигающие фантастических размеров. Долгое время сидеть в земельном полумраке, еле освещённом испуганной свечкой, и слушать над собой рёв и нудное завывание самолётов скучно. Особенно детям. Они, которые постарше, разговаривали, которые поменьше – плакали. Шумели, одним словом, на нервы действовали. Шум прекращала грозным шиканьем жизнерадостная, в мирное время, наша соседка со второго этажа Анна Семёновна: «Да тише вы, окаянные! Ведь немец услышит! У него, проклятого, на самолётах звукоуловители. Услышит – и бомбу на вас бросит». «На вас...» А другие, стало быть, уцелеют.

Уцелеть, однако, в таком «бомбоубежище» сомнительно было даже при разрыве бомбы где-нибудь рядом. Представляло оно собой земляную щель, глубиной метра в два с половиной. «Перекоптием» служили довольно хилые брёвнышки, скорее жерди, присыпанные той же землицей. Чтобы она не сыпалась на головы и за шиворот спасавшимся под ним, жерди выстлали сверху... листами из старых школьных тетрадок, позаимствованных у Муси. Юра был прав, оставаясь дома во время налётов...

Наш Стасик при всех тревогах сохранял полное джентльменское спокойствие. Никогда не плакал и, казалось, не волновался. Если мать спала и не слышала объявлений по радио о воздушной тревоге, будил её громким голосом: «Мама, здушна тлевога! Здушна тлевога!» Вот эта черта характера Стасика: не капризничать, когда его будили в неурочный час, сохранялась и в дальнейшем за всё время наших скитаний. А в переездах за фронтом всегда приходилось трогаться с места именно ночью, долгие часы не спать, засыпая, опять вставать, и никогда не услышишь от него не только капризного или какого-нибудь иного плача, но и других признаков неудовольствия. Молча проснётся, спокойно даст себя одеть и преспокойно сидит у матери на руках.

Так же невозможно вёл себя и при налётах. Над головой немецкие самолёты гудят, в небе «паникадилы» висят, так называли в народе немецкие осветительные ракеты, стёкла от разрывов бомб звенят, стены трясутся – Стасик безмятежен: если папа и мама с ним – беспокоиться нет совершенно никаких оснований... Скорее всего, он пока ещё просто не осознавал и не видел опасности, а звуки – дело временное.

Тревожные, тяжёлые дни переживала в Дзержинске не только Муся. У всех сердца сжимались, когда немцы подошли к Москве и потоки машин с эвакуированными и просто беженцами двинулись по Московскому шоссе на Горький. Там, на площади у московского вокзала, образовался их импровизированный лагерь. По всему её пространству сплошь стояли сделанные из одеял, и прочего подручного материала, шалаши, палатки, иные самодельные неархитектурные зыбкие сооружения. Под дождём мокрые, под ветром трепещущие. В них спали, ели, укрывались от холода – жили, одним словом, если только можно назвать жизнью существование в таких условиях.

От вокзала до моста и на всём мосту через Волгу и в самом городе стояли густые колонны автомашин. Эти пробки иногда не могли рассосаться несколько дней. Не хотелось так думать, но всё это очень было похоже на панику. Да так оно и было, видимо, на самом деле.

В самом Дзержинске, по-соседству с Горьким, располагались некоторые центральные учреждения, спешно эвакуированные из Москвы. В городе увеличилось количество жителей – резко возрос спрос на продовольствие. Рынок повысил цены. Некоторые из приезжих москвичей, особенно женщины, стали сами их взвинчивать, предлагая продавцам за продукты цену большую, чем они стоили. Цель простая – купить без очереди всё, что есть у продающего. Средств на это, видимо, имели достаточно. Местные женщины, возмущённые наглостью такой, таким щедрым и предприимчивым покупательницам очень энергичный отпор – награждали тумаками и громким мнением об их персонах. Когда начиналась расправа, дежуривший на рынке милиционер отворачивался и уходил в другой конец рынка, рассеянно поглядывая по сторонам и делая вид, что ничегошеньки не замечает и даже его здесь «нет»... Начиналась борьба за животное выживание.

Большим подспорьем для семьи стал картофель, посаженный до войны в лугах ещё при моём участии. Урожай, промокнув под дждями, выкопали Муся с Юрой, перетаскали домой. Снабжение через магазины оставалось в то время ещё относительно не плохим. Дома ещё оставался некоторый запас коровьего масла, сахара и муки.

Дни отпуска проходили невероятно быстро. Я стал поторапливать Мусю со сборами в дорогу. Мне казалось – они недостаточно серьёзны. Уже потом Муся призналась: как-то не отдавала себе отчёт в том, что на самом деле вместе со мной уедет из Дзержинска... В конце концов, всё же собрались.

Ночью 22 января 1942 года ушли на вокзал, имея при себе только минимум самых необходимых вещей. Провожала нас соседка Мария Степановна. Помогала нести вещи и неустанно недоумевала: как это нормальные, с виду, люди уезжать из глубокого тыла не куда-нибудь, а поближе, как она считала, к фронту?.. Ну, отец, – он военный – туда ему и дорога, а эта-то?.. Этой то чего там надо? Да ещё и с сынишкой маленьким... Безумцы.

Думали ли мы в то время, что покидаем родные места так на долго, что ещё шесть лет спустя всё ещё будем находиться в побеждённой Германии за Берлином?..

Добраться до Самойловки можно было только по железной дороге через Арзамас. Харьковский поезд отправлялся с Ромодановского вокзала...

Глава 2

Кукс против вермахта

*На нарах. «Три острова». Из окружения – на курсы. Кадровики и запасники.
Первая Мировая учит Вторую. Сон на мёрзлой соломе. Виш и тараканы.
Банька по-саратовски. Вера в победу.*

Ясный, чистый, свежий, хрустящий морозный январский день. Сокращая путь и средства, идём через замёрзшую Оку пешком к Ромодановскому вокзалу. Я несу Стасика на руках. Он в своей белой дохе, в белой же меховой шапочке. Мороз разругал щёки. Рядом шагает Муся. Стасик следит за ней глазами. Поворачивает голову в её сторону, если она ему не видна. Скромный наш багаж везёт на санках носильщик, точнее бы назвать возильщик. Лёд реки блестяще сверкает под холодными, но очень яркими лучами солнца. Как никак, а уже январь – день прибывает... Слева темнеют арки моста, справа – ледяная лента Оки. Перед нами – гористый правый берег, весь в голубых тенях. На снегу, островками покрывающем лёд, чёрные цепочки людей. Такой и запомнилась Ока около Горького в празднично сверкающий январский день военного сорок второго...

В вагоне забралась только к вечеру, скоротав время в зале ожидания, который мог бы быть и потеплее... Четвёртый класс пассажирского вагона, со сплошными полками – нарами. На них и предстояло спать. Устроились на «втором этаже». Нашим соседом оказался молодой лётчик – офицер, сразу же подружившийся со Стасиком. Сын держал себя при нашем устройстве на нарах, и всё время пути так, словно езда в вагоне железной дороги, которую он видел впервые в жизни, на досчатых нарах для него – самое обычное заурядное дело – все всегда, значит, так ездят... Необычным стало для него отсутствие радио и ставших привычными сигналами воздушной тревоги – просто чего-то не хватало. Это лишение он компенсировал тем, что объявлял её по собственной инициативе сам. Тогда в наступившей тишине вагона раздавался его звонкий голосок: «Глаждане! Здушна тлевога! Здушна тлевога!» «Глаждане» кто смеялся, кто вздыхал: вот вам детские привычки и забавы войны... Но доехали спокойно – без «здушных тлевог», как и в дни моего пребывания в Дзержинске – ни одной не случилось, как на заказ.

Поезд тронулся. Медленно стал преодолевать пятикилометровый пологий подъём до Мызы... Уже полностью стемнело, когда мы проезжали мимо до щемящей груди знакомых с ещё дореволюционных времён мест: станция Кудьма, река Кудьма... Любимое место пикников учителей нашего Каменского «куста» – деревни, сёла: Пруды, Букино, Кменки, Спирино, Гремячка, Зимёнки... В Букине Муся работала учительницей с семнадцатого по тридцать первый год... Бывал и я здесь не раз, на положении гостя... Один год она, ещё не моя жена, преподавала в Каменской школе колхозной молодёжи, чаще именуемой «шэкэем». Я учительствовал в соседней Гремячке. Потом до сентября двадцать девятого в Каменках... В этих местах и сейчас наши знакомые... Спят, небось, мирненько. «Спокойной ночи... А мы, вот, на фронт едем...» Эх! Встал бы поезд хоть на полчасика, что ли – забежать бы, повидаться – попрощаться: кто знает – что у нас там, впереди...

Ехали без особых приключений, спали ночью спокойно, без воздушных тревог... Даже Стасик перестал их объявлять... На третий день пути оказались там, где нужно – в Балашове. Теперь нужно пересестись на поезд до Камышина и ехать до станции с романтическим и загадочным названием «Три острова»... Какие в степи острова?..

Пересадка пересадкой, но и пообедать нужно бы. Пошли в столовую продпункта. Стасик уселся за стол, как большой, деловито и с достоинством. Слегка позабыв о нём, когда с аппетитом стал поедать лапшу – соскучился в вагоне по горячему. По Балашову я нёс сына на руках с удовольствием и гордостью. В белом пуху своей дохи, о ту пору ещё почти новой, румяный,

с большими выразительными глазами, Стасик был очень хорош и обращал на себя внимание прохожих...

В ожидании поезда на Камышин пришлось ночевать две ночи в общежитии для офицеров на вокзале. В конце второй ночи разбудили – наш поезд. На этот раз попали в классный вагон. Это было особенно приятно после «комфорта» четвёртого.

Рано утром вышли на сухопутной остановке «Три острова» – без каких бы то ни было признаков ни островов, ни океана вокруг них. Оказались внутри тёмного помещения станции. В окна скучно заглядывал серый рассвет. Холод... До Самойловки – семь километров. Их так или иначе нужно преодолеть – со Стасиком на руках и со всем хоть и мизерным, но увеселительным скарбом. И тут опять, как и в Горьком у вокзала, улыбнулось счастье – в образе начпроды наших курсов старшего лейтенанта Малицкого. После обмена приветствиями счастье сказало, что скоро в Самойловку поедет грузовик родных курсов. На нём и поехали. Жена с сыном где потеплее – в кабине, а я в кузове – освежиться на степном воздухе, а заодно и посмотреть, где же они, в самом деле, – те таинственные острова.

Солнце уже взошло и ярко светило на безоблачном небе. В глаза били его ослепительные бликующие лучи, искрился чистый, недвандо выпавший снег. Морозный ветер жёг лицо, но уже что-то весеннее чувствовалось в этом празднично сверкающем ещё зимнем утре. Чувствовал я себя удивительно бодро.

Самойловка раскинулась по степи широко и раздольно. Видно было: люди устраивали свою жизнь, не стесняя себя землёй, необъятными просторами лежавшей вокруг. Улицы широкие, кварталы далеко один от другого, между ними пустыри, иногда сады. Над степью бескрайней – беспредельное голубое небо, дым валит из широких толстых труб хат... Навстречу медленно шествует пара серых длиннорогих волов, запряженных в сани. На наши, приволжские, сани не похожи: передок лишь слегка загнут кверху, на полозьях – ящик... Мирная картина большого села ничем не напоминала о происходящих в стране грозных и страшных событиях. Здесь в январе 1942 года был глухой тыл. В Самойловке даже светомаскировку не вводили – немцы или не знали о местонахождении курсов, или пока ещё не находили в них ничего, для себя интересного – не налетали.

Курсы усовершенствования командного состава Юго – Западного фронта были созданы в Самойловке осенью 1941 года для переподготовки офицеров, вышедших из окружения после неудачных для Красной Армии боёв сентября – октября. В основном это были техники – интенданты. Выбранное для курсов село мало подходило для расквартирования военного учебного заведения. Под общежитие пришлось занять школу и клуб – ничего другого, более подходящего, не нашлось. Помещения наскоро приспособили под казармы, соорудили нары. Штабы и классы разместили в нескольких одноэтажных домах. Штатный состав расселился в крестьянских хатах, жил в них вместе с хозяевами.

КУКС состояли из двух учебных батальонов трёхротного состава. Первым начальником курсов стал полковник Якшин, низенький полный человек с прстым русским лицом, больше похожий на типичного председателя колхоза из какого-нибудь художественного фильма, чем на боевого офицера. Строгий и крикливый на занятиях, он всегда становился вежливым, тактичным и внимательным к подчинённым при разговоре с глазу на глаз.

Систему обучения офицеров Якшин ввёл очень простую и необычайно наглядную. Однажды, посетив занятия по военно-инженерному делу, он увидел, как некий офицер вырыл себе очень мелкий окоп, чем и ограничившись: пустая, мол, формальность, занятия эти... Сам расположился рядышком, весьма довольный результатом трудов своих. Якшин посмотрел на офицера внимательно, вынул из кобуры пистолет свой, отошёл на несколько шагов и с обычной будничной строгостью офицеру этому приказал:

– Товарищ старший лейтенант, ложитесь в свой замечательный окопчик и постарайтесь укрыться от моих выстрелов – я попробую в вас попасть...

Стрелял полковник очень метко – все об этом знали...

До стрельбы дело не дошло, разумеется, но и этот незадачливый офицер, и те, кто при случае том присутствовали, накрепко запомнили и усвоили наглядный урок командира.

Комиссаром курсов был старший лейтенант Вяхеров. Человек интеллигентный, особенно ничем не выделяющийся. Помощником Якшина по учебной части состоял майор Мищенко, ранее служивший в Одесском пехотном училище. Он неплохо справлялся с составлением учебных планов, детализацией программ, но не руководил и не помогал нам – начальникам учебных частей батальонов. Пожалуй, в этом случае у него, как и у некоторых кадровых офицеров в начале войны, проявилось чрезвычайно пренебрежительное отношение к офицерам запаса. Казалось они, глядя на нас – запасников, думали: «Чего от вас лучшего ожидать?» И вместо того, чтобы помочь советом, ограничивались иронией и колкостями в наш адрес, по их мнению весьма остроумными. Мы же старались внимания на это не обращать и скоро овладели делом своим не хуже, а иногда и лучше, чем кадровики. Мы, ведь, тоже были офицерами, с опытом боёв не меньшим, если не большим: нас призвали в армию для конкретных боёв.

Подобным свойством обладал и комбат Ищенко, под началом коего мне довелось находиться, не путать с Мищенко, но в данном случае разница в буквах значения не имеет. На первых порах мне трудно давалось составление расписания занятий, когда требовалось в них вставлять обязательное соблюдение множества требований для шести взводов: нагрузка преподавателей-специалистов, методическая целесообразность и так далее. Ищенко ни разу не снизошёл до помощи делом и советом, зато говорил со мной снисходительно и не без самодовольства: «Слушай, майор, мне на то, с чем ты возишься весь день, нужно всего часа два, не больше...»

Служить в тылу преподавателем КУКС я, надо сказать, не собирался и после окружения. Подавал рапорт о возвращении в действующую армию. Получил афронт: возраст – мне уже сорок семь лет. По моему мнению – не уже, а ещё только – на фронте-то я был с конца июня, воевал в должности заместителя комбата, а затем и комбатом... Мои неотразимые доводы отразили шестью словами: «Вот ваш боевой опыт и пригодится – учите неопытных». Пришлось смириться: приказы не обсуждают...

Первое время после формирования КУКС срок обучения на них установили в один месяц – потери требовали пополнений. После первого же выпуска продлили до двух: выше обучение – ниже потери. В ходе войны время учёбы всё увеличивалось и к концу её составило уже шесть месяцев – свидетельство того, что подготовка офицеров за время военных действий всё время упорядочивалась, качество её возрастало, да и возможность отрывать офицеров от боёв появилась – для обучения их с учётом будущей службы.

Совершенно иная картина рисовалась в Первую Мировую войну. Тогда офицеров главным образом готовили школы прапорщиков за три месяца. Причём школы эти в значительной степени комплектовались из гимназистов, реалистов и учащихся городских училищ. Публика была романтическая, в бой рвущаяся, но совершенно необстрелянная.

Первые выпускники курсов УКС ушли на фронт без экзаменов – по оценкам командно-преподавательского состава, а оно, бывало, зависело от впечатлений и отношений. И ещё очень жаль – не отслеживались дальнейшие судьбы слушателей и курсантов. Редкие разрозненные сведения говорили: многие офицеры, окончив курс обучения, прославились в боях, стали героями Советского Союза, командовали полками, соединениями... Вот Василий Клабунов, младший лейтенант... Выдающегося трудолюбия инициативный был офицер. 2-го мая 1945 года погиб при штурме рейхстага... Младший же лейтенант Квотов, скромняга в быту и тихоня. С первых же дней службы на курсах атаковал начальство рапортами – на фронт – только там

место его, как сына башкирского народа. Звучало несколько напыщенно, но помогло: всего через год, после битвы на Орловско – Курской дуге, оказался там, куда просился. И исчез.

Вот пятидесятилетний майор Утин... При первом же взгляде на его лицо оно поражало выражением удивительной решительности и воинственности – типичный партизан, гроза врагов и лесов с плаката: брови, с волосами на них сантиметра в два длиной, пышные «будёновские» усы и разбойничья борода. Преподавал тактику, стойко перенося по шесть часов занятий в степи, пронзаемый морозом и продуваемый ветром. Вдовец: жена, актриса Харьковского драматического театра, погибла в дни оккупации... Получил три большие звезды на погоны к 1945 году и занял не малый пост в штабе группы Советских оккупационных войск в Германии...

С автомашины сошли прямо у столовой курсов. Весьма кстати. Её служащие, особенно одна из вольнонаёмных, встретили жену и сына очень радушно. Угостили завтраком. Значительно улучшив им настроение, оправились на мою служебную квартиру – небольшую хатёнку, располагавшуюся на одной из окраинных улиц. В ней и пришлось жить вместе с хозяевами, стариком и старушкой.

Хата, по устройству своему, – стандарт крестьянского жилища степных мест Саратовской области. Русская печь в одной комнате, в соседней – подтопок в виде лежанки с дымоходом под хозяйскую кровать... Своё спальное место я устроил на узеньком сундуке. Для Муси и Стасика иного места для ночлега, кроме пола, не нашлось. Старик хозяин приносил со двора мёрзлую солому, бросал на пол. Земляной... На ночь подтопок протапливали, но тепла от него хватало не на долго. Ночью холод донимал существенно. Особенно на полу. Нужно было срочно искать другое жилище, но пока неведомо где.

Оба наши домовладельца страстно обожали табак. Хозяин курил самосад крепости сверхъестественной. Старуха предпочитала зелье табачное только нюхать, не рискуя превращать его в подобие адского дыма. Естественно, чихала. Да так, что чих её отбрасывал назад, словно орудийный выстрел. Однажды, скуки ради, позабавилась: дала понюхать табачку своего, убойного, Стасику... Понятно, что потом произошло с бедным малышом, под скрежет ведьминога смеха... Поступок старушеницу охарактеризовал достаточно. Она и не скрывала своего крайнего недовольства нашим присутствием в её доме. Что ж – это хоть понятно – не велики хоромы для двух семей. Прорезалась у бабушеницы и другая страсть: к нашим продуктам, чересчур пристальная. Офицерский паёк, на одного, я стал получать, с приездом семьи, на руки. Да кое-что прикупал кое-какой еды на базаре. Продуктов на жену и сына не полагалось и мы делили всё съестное на троих. Не слишком сытно... И вот как-то выяснилось, что уже не на троих, а на пятерых – приворовывала хозяйка.

Довершали все неудобства вши. Их в этой избе оказалось превеликое множество. Это было уже третье влечение старухи – ловить и уничтожать на себе и на старике супостатов. До нескольких сотен за вечер получалось, при удачной охоте. Разумеется, зловредные насекомые немедленно с аппетитом перебрались и на нас, свежачков, – меню расширилось.

Удивительно, невероятно и странно: украинцы в Саратовской области, оказалось, живут в невообразимой грязи. Крестьянских бань, непременно в средней полосе России во зле каждого дома, здесь нет. О том, как же моются, но ведь моются же, жители украинских деревень, расскажу попозже... В селе, правда, имелась общественная баня. Мылись в ней слушатели, курсанты и офицеры курсов. Иногда и население Самойловки. Как-то раз отправилась туда и Муся, вместе с местным населением. В темноте и тесноте, как рассказала потом, не столько помылась, сколько «отвела очередь».

Наконец-то повезло – нашлась другая квартира. Нельзя сказать, что она была так уж лучше первой. Но на переезд пришлось решиться, чтобы таким путём распрощаться с «Сергевной», как величали хозяйку халупы, первой приютившей нас. Новая квартира имела пре-

имущество: пол в ней оказался деревянным, а на нём – кровать. Какая никакая, но цивилизация. Роли ночёвок поменялись: теперь на полу спал я. Муся и Стася овладели кроватью. Пол, хоть и деревянный, оказался таким же твёрдым и жёстким, как сундук первой квартиры, только риска свалиться с него, сонному, стало меньше. Для более полного комфорта пришлось надевать на голову перед сном шапку, валенки и шинель казённую: хата была ещё холоднее первой. Но в ней, вместо вшей, почему-то очень вольготно чувствовали себя чёрные и рыжие тараканы, расплодившиеся в неимоверном количестве. Загадка: как уживались – ведь тараканы терпеть не могут соплеменников другого цвета... Может быть, их как-то примиряли мокрицы, ползавшие омерзительно везде и всюду... Надо полагать, здешние насекомые закалились: холодов не боялись и тараканов морозами было не запугать.

По всем признакам флора этой квартиры приняла нас очень радушно. Взаимностью ответить мы не смогли – расстались и с этим жилищем. К великой печали общительных тараканов обоего цвета. Куда теперь?.. Помогла чужая беда: заболел и уехал в госпиталь кладовщик курсов – освободил квартиру. Просто великолепную: светлая, чистая и большая. Даже отдельную комнату нам выделили... Размеры её, увы, позволяли находиться в ней одной кровати и, опять на полу (!), одному человеку. Нет нужды уточнять: сим человеком стал, естественно, я. Зато тепло и чисто. И почему-то без вшей... Комнату сдали при условиях: восемьдесят рублей в месяц плюс дрова. Кроме нас в доме жила ещё молодая женщина, хозяйка, с дочерью лет двенадцати – тринадцати... Или это мы там жили, кроме них.

Приближалась весна. Близился прилёт птиц и переезд курсов в Вронеж... Снег таял с южной быстротой. Промыли себе протоки озорные ручьи – такие же, как и в наших родных краях...

Дом, в котором мы провели остаток зимы, стоял почти на берегу реки. Какой настоящий ручей без корабликов? И вот я делаю бумажные лодочки, Стасик бережно опускает их на воду и бежит следом за течением, влекущим судёнышки к реке... А там случилась трагедия. Стасик долго потом вспоминал её с ужасом.

Лёд на реке уже ослаб, стал рыхлее и тоньше и вот по такому льду через реку переходили лошади. Вдруг раздался зловеющий треск – кони провалились в воду. Забили копытами, закричали жутко, заметались в фонтанах брызг и обломках льдин... Пришлось бежать с предельной скоростью в часть за подмогой – звать курсантов. Лошади, и Стасик с ними, перепугались, впрочем, напрасно: речка оказалась не очень глубокой – потерпевших бедствие лошадей благополучно вывели на берег. Всех, кроме одной – попала в подводную яму и течение затащило под лёд её и отчаянно ржущую морду с оскаленной пастью и белыми от страха глазами...

Зима сорок второго уходила в историю. С ней – запомнившиеся события... Тождественное заседание 22 февраля. Всех участников его пригласили в самойловский «кинотеатр» – переоборудованное под зрелищное заведение здание православной церкви. Перед входом тщательно стряхиваем с себя густо налипший снег – метель разбойничает. Обычная, если не помнить где находишься, в таких случаях картина: на «сцене», в алтаре, стол под красным полотном, на нём керосиновая лампа, за ним – президиум, перед ним – ряды стульев с сидящими на них офицерами. Доклад... Обычное мероприятие, но почему-то в тот час испытал я какое-то особое волнение. Вспомнились тягостные и нелепые дни окружения, когда шёл я по земле – по нашей земле, оказавшейся в тылу у немцев. Как такое могло случиться? И чем окончится? Слухи о падении Москвы, о скором окончании войны, о полном поражении Советского Союза... Было очень похоже на правду. И – не верилось в эту похожесть: остатки моего батальона по ночам пробирались к своим – на восток. Не сменив форму Красной Армии на лохмотья, как это делали многие – для маскировки. И вышли, с боем, в распоряжение наших воинских частей. Тягостная ноша неуверенности и тревоги, угнетавшая нас все дни после поражения, спала с плеч и с души.

«Советский Союз живёт, Сталин не уходил из столицы в самые тяжёлые дни, немцев под Москвой разбили и отогнали, в нашей стране – наши порядки, а не гитлеровские „новые“. Как нам ни трудно сейчас, но проклятые фашисты будут разбиты», – думал я, сидя в первом ряду и ощущая шейю сырой воротник шинели. Как теперь дорога была вся эта наша привычная, хоть и казённая, обстановка, эта банальная торжественность, простые, и вместе с тем такие значительные, слова доклада. А ведь как велика была возможность навсегда потерять всё это. Тёплой волной поднялось в груди чувство любви к России, к её вождю, символу страны – воина – Сталину.

Торжественное заседание окончилось. Метель утихла. В потеплевшем воздухе медленно снижались с неба крупные снежные хлопья. Единственный фонарь освещал дорогу, покрытую свежим пушистым покрывалом. Подминая его, прошла рота курсантов с громкой, в ночной тишине, песней «Белоруссия родная, Украина золотая, наше счастье дорогое никакому врагу не отдадим!»

23 февраля 1942 года неожиданно, прямо сказать, стал для нас действительно праздничным днём – кое-что добавили к столу офицеров. Удалось смастерить почти парадный обед.

Курсы командного состава внесли много оживления в жизнь тихого степного села. С их помощью заработала небольшая электростанция. Вспыхнул свет в зданиях, где располагались курсы, и в местном радиоузле. С раннего утра до ночи звучали на улицах военные песни – строем без них не ходили. Появилось много офицеров – на восхищение и соблазн местным красавицам. Начались романтические знакомства, бурные романы и даже свадьбы. Правда, браки эти оказались недолговечными...

Пришёл апрель. Ушёл, превратился в воду снег. Разлилась речка. Стасик стал гулять по улицам один. И неожиданно нажил себе лютого врага – индюка. Это пернатое создание почему-то впадало в ярость неимоверную, как только замечало выходящего во двор мальчугана в белой дохе. Индюк распускал крылья, царапал ими землю, бормотал ругательства на нечеловеческом языке своём и кидался в атаку, потрясая красным от злости хоботом над клювом. Поскольку чудовище было размером почти с нашего сына и вид имело устрашающий, то Стасик благоразумно отходил на заранее подготовленные позиции – домой. Однажды, было дело, вступил с индюком в бой и получил рану – птица клюнула его в ладонь, когда он вытянул её перед собой, защищаясь. До крови клюнул. Хорошо – не в глаз.

Курсы работали размеренно. Не так плохо было с питанием и дровами... Тревожил предстоящий переезд в Воронеж. Весной сорок второго обстановка на фронте не радовала. Брать с собой на новое место семью – чересчур рискованно. Не хочется, но лучше оставить жену и сына в Самойловке. Последующие события показали: это было тяжёлое для них, но верное решение.

Переезд курсов организовали поэтапно: подразделениями одно за другим. Пришло время и мне уезжать. На сердце тревожно и грустно: жена и сын в чужом селе одни... Одна мысль только утешала: при первой же возможности перевезу их к себе в Воронеж. Уже каюлся, что вывез их из Дзержинска... Подъехала машина. С другими офицерами сажусь в неё... Муся и Стасик стоят на краю дороги, смотрят на меня так печально... Сердце защемило. Не отрывал от них глаз, пока машина не ушла за поворот.

Глава 3

Стальной дождь

*Крысы в зале ожидания. Несостоявшийся парад. Безневный Гневный.
Мирный город 1942 года. Отделённый – не командир. На фронт.
В обороне. Ни связи, ни приказа. С паровозом на проволоке.*

На другой день рано утром поезд прибыл в Воронеж. В ожидании, когда нас повезут к месту расквартирования, зашли в зал ожидания. Там несколько человек сидели и дремали на стульях, стоявших вдоль стен. Сели на свободные места и мы. Тишина. Го не такая, как в мирное время, когда она воспринимается признаком спокойствия. Во время войны тишина – как перерыв между боями... Офицеры кто закурил, кто решил ещё вздремнуть впрок... И вдруг что-то мелькнуло на стульях позади сидевших напротив нас солдат. Какая-то призрачная бесшумная тень. Присмотрелся – большие упитанные крысы смело, спокойно и деловито разгуливали по стульям за спинами людей. Перебегали просто для скорости и экономии времени, но не от сознания опасности – будго и не живые уже те люди... Противно было смотреть на этих наглых тварей, явно чувствовавших себя в полупустых залах полноправными хозяевами. Невольно вспомнилось классическое: крысы бегут с корабля перед его неизбежной гибелью. Эти остались... Значит – корабль вне опасности? Или просто некуда бежать? Или они с другого корабля? Странные какие-то мысли и сравнения.

Чтобы избавиться от них, вышел на привокзальную площадь. В сером рассвете высились окружающие её дома. Следов разрушений не видно. Тускло поблескивают трамвайные рельсы. Самих трамваев ещё не слышно... Рассвет набирает силы, становится всё ярче. Вот и солнце показалось. Отражая его лучи, завсеркали окна верхних этажей. По ожившим рельсам показались беззаботно мирные трамваи. Приятно наблюдать обычную спокойную жизнь города там, где, казалось, до фронта рукой подать. Воронеж был мне знаком – приезжал сюда в 1922 году к брату. Проезжая по улицам, я старался узнать те места, где уже пришлось побывать двадцать лет назад.

Провезли нас через весь город до юго-восточной его окраины к военному городку – туда, где находилось здание военного училища связи. «Самойловские» курсы влились в организованный в Воронеже в феврале 1942 года Учебный центр Юго-Западного фронта. Состоял он из трёх учебных полков. Наши «самойловцы» образовали 2-й учебный полк. Командиром его назначили тоже нашего – Мищенко, выехавшего из Самойловки раньше нас для организации приезда, встречи и размещения. На петлицах его появился ещё один «кубарь» – он стал подполковником.

Учебный центр занимал весь военный городок, состоявший, преимущественно, из двухэтажных, красного кирпича, зданий. Часть из них принадлежала кавалерийскому полку.

Командовал курсами генерал-майор Недвигин, ранее нам не известный, ни как личность, ни как командир. Вскоре известность он получил... По его приказанию мы весь конец апреля ежедневно часа по два тренировались на плацу, готовясь к торжественному параду 1 мая. В одном летнем обмундировании под дождём при довольно прохладном воздухе. Эти тренировки были для нас очень неприятными и представлялись совершенно не своевременными. Офицеры ворчали: война не ждёт, нас от фронта освободили не для парадов, а для военной учёбы... Парад так и не состоялся – в тот год парады отменили совсем. Во всяком случае в Воронеже.

К чести «самойловцев» – к нашей чести, нужно сказать: влившись в Учебный центр, мы создали его наиболее крепкое, наиболее квалифицированное и дисциплинированное звено. Второй батальон второго учебного полка, где я состоял в той же должности начальника учеб-

ной части, состоял из техников-интендантов, которых переподготавливали в строевых командиров взводов и рот. Комбат у нас сменился. Ищенко перешёл в пулемётный учебный батальон, а к нам назначили подполковника Гненного... Многие, слыша его фамилию, невольно заменяли четвёртую букву на «в» и получалось «Гневный». Возможно, враги его таким и видели, но в среде своих это был очень славный человек. О нём у меня, как и у всех его подчинённых, остались самые хорошие воспоминания. Сын рабочего, и сам бывший рабочий, Гненный был очень начитанным и культурным человеком, умным и тактичным офицером.

Будучи хорошим знакомым Ищенко, Гненный запросто заходил к нему на квартиру, но очень скоро они не поладили, разойдясь во взглядах на методы обучения и руководства. Гненный поселился со мной в одной комнате. Сколько душевных разговоров слышала эта комната, когда мы с ним беседовали, лёжа на койках после отбоя в темноте. У Гненного в Ташкенте остались жена и две маленькие дочери. Темой разговоров и становились наши дети. Подполковник очень любил дочерей. Особенно младшую. На войне «детская» тема – отдушина для воспалённого тревогами, опасностями и кровью разума. В то же время она побуждает воевать ещё ожесточённее – от этого зависит жизнь наших детей – за них и воюем.

Силами Учебного центра построили оборонительную линию Воронежа с юга по реке Воронеж в районе села Малышево. Там же проходили и учения с выходом в поле на несколько дней.

Из Самойловки начали приходиться не радостные письма: тяжёлое материальное положение, болезнь Стасика... Несмотря на начавшиеся налёты немецкой авиации на город, я решил хлопотать о получении для жены и сына пропуска на въезд в Воронеж. С этой целью несколько раз ходил в областное управление НКВД, но безуспешно. Помочь семье я смог только двумя продовольственными посылками, с оказией отправленными.

В мае 1942 года удивительный город Воронеж всё ещё жил нормальной мирной жизнью: торговали магазины, работали фото-ателье, бани и парикмахерские, шла оживлённая торговля на рынке. По улицам и скверам ходили внешне спокойные люди, играли дети. Аномальная, для войны, мирная идиллия. Поддавшись ей, я даже сфотографировался у фотографа, имевшего классическую профессиональную внешность и повадки. Только про «птичку» из объектива он забыл сказать. Эта фотография осталась единственным моим изображением военных лет...

Случай в трамвае. Стою на задней площадке. Рядом два офицера и пожилой подвыпивший мужчина, прислонившийся к стенке для устойчивости. Офицеры разговаривали о каких-то своих армейских делах. Подвыпивший, разговор, видимо, слышал и вдруг сказал, обращаясь к ним: «А я в Первую мировую войну тоже командиром был!» «И чем же ты командовал?» – сверху вниз глядя спросил двухметровый лейтенант. «Я был командиром отделения», – гордо ответил ветеран первой мировой, подняв воинственно голову так, словно и в настоящий момент стоял перед строем своего доблестного подразделения. Офицеры иронически улыбнулись: не велика, мол, шишка. А мне подумалось: вот чего не хватает сегодня у нас в Красной Армии. Этот ветеран до сих пор гордится тем, что командовал отделением, а нынешние командиры отделений часто сами не чувствуют себя командирами, да и старшие начальники ещё недооценивают руководителей отделений, не воспитывают в своих подчинённых сознание огромной ответственности роли младших командиров. В последующие годы войны с такой позицией пришлось немало побороться. Если, как говорят, семья – ячейка общества, то и отделение в армии – тоже его ячейка. Из них и состоит всё тело армии: как они функционируют – так и армия воюет.

Курсы продолжают обживать свои казармы. Вспомнив, как каждую весну сажал цветы возле школы и в палисаднике около своей квартиры в мирное время, я предложил сделать клумбы вокруг нашего корпуса и рассадить в них цветы. Война – войной, но и человеку – человеческое. Нечельство скептически улыбнулось, но предложение всё же приняло. Цветы

посадили, но полюбоваться их цветением не пришлось. Бомбёжки продолжались и в апреле, становясь в сё интенсивнее и яростнее. В первую же ночь нашего прибытия в Воронеж немцы устроили налёт. Рядом с военным городком резко били по ним зенитки, но от усталости я не слышал во сне никакой канонады.

Во время налётов частенько приходилось спасаться от осколков снарядов наших же зенитных орудий, сыпавшихся с неба стальным дождём. Они оказались чуть ли не опаснее осколков немецких, потому что падали гораздо обильнее и даже тогда, когда собственно бомбёжки ещё и не было, а велся обстрел налетевших самолётов. Да ведь и обидно: снаряды – свои, осколки от них тоже свои. Только «свой» осколок получать никому не хотелось, впрочем, как и немецкий. Спасались очень просто – вставали под крышу, по возможности железную... Других укрытий не имелось – бомбёжки заранее не предусматривались. Стоишь и ждёшь, когда стальной дождик прекратится... В мае уже пришлось выкапывать «щели» – узкие окопы. В них приходилось иногда и ночевать – для экономии сил и времени, чтобы не бегать взад – вперёд при тревогах и отбоях.

Налёты участились. В конце мая редкая ночь обходилась без воздушной тревоги и тогда вокруг принимались оглушительно грохотать зенитки, свистели, дипели и стучали по крышам зданий осколки, в городе рвались фугасные бомбы...

Ночь медленно уходила. Когда начинало светлеть, то на фоне зари высоко в небе вырисовывались аэростаты заграждения. Светлело всё более. Аэростаты медленно опускались. Становились видны корпуса казарм и голые, посохшие верхушки белых акаций, повреждённых сильными морозами зимы 1940 года. Сирены дают отбой... Почему, кстати, сирены: от тех, которые Одиссея едва не соблазнили?..

Отправляемся на свои места в казармы, чтобы попробовать хоть немного уснуть до подъёма. В последние дни мая и в первые числа июня немцы принялись навещать город и днём, забрасывая его своим смертоносным грузом. Бомбардировки проходили однообразно. В какой-то степени к ним не то чтобы привыкли, к угрозе смерти привыкнуть нельзя, а считали за ничем не примечательную обыденность. Но один из налётов запомнился. Мы, как всегда, забились в свои щели. Над ними небо, всё покрытое высокими кучевыми облаками с редкими голубыми разрывами. В облаках слышатся гул многочисленных авиамоторов. Я поднял голову и увидел прямо над собой на фоне неба звено серебристых «Юнкерсов». Взывли падающие бомбы и взрывы, методически следуя один за другим, приближаясь к нашему городку с юго-западной стороны. Стало не себе... Ещё немного и... Не дойдя до нас, грохот взрывов неожиданно прекратился... Что за каверза... Через некоторое время со стороны города раздался нарастающий свистящий дробный звук, как будто бил крупнокалиберный пулемёт. Мы втиснулись поглубже в щели. В двух метрах от меня в деревянную лавочку, стоявшую под деревьями, что-то ударило, вспыхнуло ослепительное белое пламя. Языки такого же огня сверкнули на крыше одноэтажной столовой. Тот час же молодые офицеры, слушатели курсов, начали забрасывать землёй источник огня – зажигательные бомбы, «зажигалки». Один офицер по водосточной трубе забрался на крышу столовой, столкнул полыхающую бомбу на землю. Вскоре все очаги огня были потушены.

То, что мы приняли за звуки выстрелов крупнокалиберного пулемёта, оказалось треском разрывов зажигательных бомб, сыпавшихся из кассет бомбардировщиков.

В тот же день город получил и несколько фугасных бомб. Все они причинили много несчастий. Одна упала в городской сад, где школьники отмечали окончание учебного года. Многие из них погибли на месте, многие ранены. Погибли люди и в других районах города. Обрушились дома...

Однажды вечером нашему батальону объявили тревогу, отправили в город. Я ушёл из казармы с последними офицерами уже в полной темноте. Сели в кузов грузовика, поехали и вскоре оказались возле какого-то большого тёмного особняка вблизи вокзала в цен-

тре города. Батальон поступил в распоряжение коменданта Воронежа. Приказ: занять посты на улицах и площадях. В одной из комнат особняка оказался наш подполковник Гненный, с комиссаром Ивановым. От них я узнал: есть указание командования «на всякий случай» следовать с батальоном в Самойловку... Я было обрадовался, но уже ночью комбат получил другой приказ: погрузиться в бронепоезд и отправиться на юг от Воронежа для занятия линии обороны по левому берегу Дона в районе села Троицкого, левый фланг – Новопавловка, и держать связь с бронепоездом.

На рассвете батальон разместился в бронепоезде, а когда стало уже совсем светло начался налёт. Под аккомпанимент зениток и отъехали. Двинулись куда приказано – на юг. Таким образом наш батальон выделили в самостоятельную боевую единицу. От станции, где высадились, до Троицкого предстояло пройти километров пятнадцать. К вечеру путь преодолели, вступили в пункт назначения.

Троицкое оказалось большим селом. Его население ещё оставалось на месте, но на улице уже ощущалось беспокойство. В поле никто не работал. Жители группами собрались возле домов. Если пришла армия – значит, что-то здесь ожидается зловещее.

В тот же день комбат направил заставы к переправам через Дон, в само село Троицкое, южнее его – в Новопавловку и севернее села. Всего по фронту батальон занял около двадцати пяти километров.

Ночь прошла спокойно, а с утра через расположение батальона в одиночку и группами потянулись пешие, конные, а кто и на повозках, люди наших отступающих частей. Отходили южнее Троицкого через переправу у Новопавловки. Отступающие говорили, что немцы заняли уже Старый и Новый Оскол. Вскоре и здесь появилась вездесущая немецкая авиация. Принялась усиленно бомбить переправы и дороги, по которым отходили на восток наши войска. На дальних от нас дорогах постоянно видны были чёрные разрывы фугасных бомб. Особенно сильно бомбили переправу у Новопавловки. Гненный решил сам побывать там и посмотреть, как себя чувствуют наши курсанты. С собой взял комиссара, а мне приказал остаться в штабе батальона (При выполнении боевого задания я выполнял обязанности старшего адъютанта комбата – его заместителя).

Гненный с Ивановым ушли и я больше никогда Гненного не увидел. У переправы ему разворотил ногу крупный осколок разорвавшейся рядом бомбы. Его тотчас же отправили в госпиталь и при эвакуации его добила следующая бомба во время налёта немцев на санитарный поезд... Судьба... Во время войны не редко происходят странные совпадения, роковые и счастливые. Роковых больше.

Возвратившийся комиссар передал последний приказ комбата: в командование батальоном вступить его заместителю комроты старшему лейтенанту Дачникову. Мне оставаться адъютантом старшего.

Наши курсанты держали себя на переправах без прувеличения геройски. Во время напряжённой бомбёжки офицеры ремонтировали повреждённые бомбами мосты, тушили горящие со снаряжением автомашины. Несколько офицеров-курсантов погибли, некоторые получили ранения.

Батальон действовал изолированно. Посланный для связи с бронепоездом офицер вернулся и доложил: бронепоезда на месте нет – ушёл в неизвестном направлении. Штаб 2-го учебного полка не давал о себе знать и мы понятия не имели, где он находится. При выделении батальона из состава полка никаких указаний о поддержании связи с полком никто не получал. Кто действовал правее нас, кто левее и действовал ли вообще – полная неизвестность... Печальное, но очень наглядное для курсантов курсов усовершенствования командного состава учебное пособие «усовершенствования». А разрозненные толпы отступающих продолжали двигаться мимо нас на восток.

Оружия у нас не хватало, транспорта не имелось почти никакого и мы решили пополнить то, и другое за счёт этих отступающих одиночек. Они двигались, что ни говори, в тыл, а мы оставались на рубеже обороны, готовые вступить в бой, этих же отступающих прикрывая. Автоматов в батальоне не имелось совсем. Вот мы и взяли или, можно сказать, одолжили их у проходящих ездовых и просто одиночек. Обзавелись верховыми лошадьми с сёдлами и десятком повозок с упряжками. Почувствовали себя если не хозяевами положения, то как-то более уверенно.

Оставлять свои позиции мы не имели, конечно, никакого права. Но при этом не знали, откуда и от кого такого приказа ждать и ждать ли вообще. Никакой связи ни с кем так и не было, и не предвиделось, пожалуй, до конца войны... Неожиданно, для нас, на левом берегу Дона заняли оборону нивесть откуда взявшиеся гвардейские части. Командование батальона приняло решение отвести его на соединение с полком – то есть, идти в Самойловку, как говорилось об этом ещё в Воронеже. Но пришлось задержаться на Дону ещё на сутки. Следом за отступающими в Новопавловку пробрались до роты немецких автоматчиков, открыли «психическую» пальбу, для наведения паники – окружили, мол. Выделили против них полтора взвода наших курсантов. Пригодились и взятые у отступающих автоматы. В течение суток курсанты вели с ними бой, пока не ликвидировали. Заодно и их «шмайсерами» обзавелись.

Пошли на восток. Первый ночлег устроили на хуторе Шевченко. Здесь же остановились переждать до утра и другие воинские части. Улица наполнилась народом. Над хутором кружила заунывная «рама», немецкий самолёт-разведчик. Прозвали его рамой за двойной фюзеляж с перекладиной. Что-то высматривал... На неё никто не обратил внимания. Но «рама», по гнусному обыкновению немецких воздушных разведчиков, прежде чем улететь, на прощанье сбросила две бомбы. Осколком убило женщину, стоявшую на улице возле своей хаты...

Не дождавшись утра, едва отдохнув, батальон пошёл дальше. Поторопиться заставили опасения: немцы могут начать наступление южнее Воронежа, чтобы обойти его, тем более, что на этом направлении сил наших было немного. Но, видимо, и немцы не имели здесь достаточной для развития своего успеха мощности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.